

своеобразной художественной форме выражения этих воспоминаний. Мировоззрение писателя определяло его эстетику, в частности его отношение к художественному методу и художественному языку устной поэзии.

Этот основной вывод из наблюдений над развитием исторического повествования древней Руси решительно опровергает мнение о том, будто отношения между литературой и фольклором в XI—XVII вв. ограничивались частичным влиянием устной поэзии на письменную и носили характер более или менее случайных сближений. Как видим, проблема гораздо сложнее, связь древне-русского писателя и народного поэта бывала прочнее и глубже, и свести ее к эпизодическим отражениям элементов фольклора в литературе нельзя. Закономерность идейного приближения литературы к фольклору и как следствия его — появления в художественной системе писателя и в его языке определенных черт устной поэтики — очевидна.

Однако нельзя не учитывать, даже и в случаях прямой связи литературы с фольклором, того обстоятельства, что основная форма феодальной идеологии средневекового книжника — христианское мировоззрение существенно отражалось и на освоении, на способе передачи воспринятого устного материала. Феодальная идеология не всегда просто отталкивала писателя от народного творчества; иногда писатель, выхолащивая самую сущность, брал из устной поэзии лишь одну ее форму. Но и в этом была также своего рода закономерность.

Древне-русское историческое повествование с XI в. обнаруживает две формы сближения с фольклором вообще и, в особенности, с его историческим и сказочным эпосом: 1) прямое перенесение в литературу фольклорных сюжетов, мотивов или изобразительных художественных средств, без изменения их идейной сущности или в переработке, соответствующей отличному от народного мировоззрению писателя; 2) освоение литературой художественного метода народной поэзии, определяемое совпадением оценки событий и цели их художественного воспроизведения.

По мере того, как выдвигались новые задачи исторического рассказа, — менялся и характер отношения к фольклору, как источнику сведений, оценок и художественных средств, непосредственно отражающемуся в литературе, с одной стороны, и как к параллельной области словесного искусства, сближавшейся с литературой и независимо от прямого ее „влияния“ на писателя, — с другой.

В свете этих основных выводов, проследим в общих чертах весь путь, пройденный разнообразными формами исторического повествования с XI по XV в., с точки зрения его отношения к устной поэзии, преимущественно к народному эпосу — героической былине, исторической песне, преданиям и сказкам на исторические темы.

Летописание XI—начала XII в., объединенное в Повести временных лет, по своей основной идеологической целеустремленности пред-